

Разумовский Александр Петрович

**"Крейцерова соната" графа Л.Н.
Толстого и ее выводы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Петрович Р.**
"Крейцера соната" графа Л.Н. Толстого и ее выводы / Разумовский Александр Петрович –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 64 с.

ISBN 978-5-519-80265-9

ISBN 978-5-519-80265-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Благодаря популярности, какою пользуется имя нашего гениальнаго писателя, его „Крейцера соната“ быстро распространилась по всему просвѣщенному міру и всюду начала производить различнаго рода броженія. Особенныя дѣйствія „соната“ имѣла въ кружкахъ молодежи. „Одни, — говоритъ Преображенскій, — въ развратномъ героѣ разсказа увидали свою фотографію и общностью паденія вздумали оправдать себя; для другихъ разсказъ явился предостереженіемъ, побужденіемъ обратиться внутрь себя и, на время удалившись отъ лихорадочно-нервной погони за мелочными и эгоистическими интересами, оглянуться вокругъ себя и взглянуть на свою жизнь съ трезвой нравственной точки зрѣнія; третьи не повѣрили автору и, обвинивъ его въ преувеличеніяхъ, продолжаютъ почитать въ блаженномъ невѣдѣніи относительно истинной сущности христіанскаго брака; — для четвертыхъ, наконецъ, „Крейцера соната“ сослужила неожиданно для себя полезную службу, укрѣпивъ ихъ въ ихъ христіанскихъ вѣрованіяхъ“. (стр. 7—8 въ брош. Преображенскаго „Христіанскій бракъ“). Если согласиться съ подобнымъ дѣйствіемъ „Крейцеровой сонаты“ на общество, то дѣйствіе ея, оказывается, далеко не незначительно. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ вліяніе ея таково, что заставляетъ человѣка вдуматься, оглянуться на себя, посмотрѣть съ птичьяго полета на свою собственную жизнь. Чего еще больше можно требовать отъ литературнаго произведенія?

Но нельзя не замѣтить въ обществѣ странной двойственности въ пониманіи послѣдняго беллетристическаго произведенія гр. Толстого. Мы слышали и слышимъ по поводу „Крейцеровой сонаты“ самые противоположные выводы, самыя разнорѣчивыя разсужденія. Что, собственно, хотѣлъ сказать и сказалъ своею „сонатой“ гр. Толстой, оставалось невыясненнымъ для его многочисленныхъ читателей и послѣдователей до тѣхъ поръ, пока не явилось къ ней „Послѣловія“. Но не многіе удовлетворились и „Послѣловіемъ“, потому что не

ожидали встрѣтить въ немъ того, что сказалъ авторъ. Противъ *пяти пунктовъ*, которые выставилъ гр. Толстой на первыхъ страницахъ „Послѣсловія“ возраженій особенныхъ не послѣдовало, потому въ нихъ высказалъ графъ то, что и всѣ считаютъ дѣйствительно „нехорошимъ“. Но противъ самаго основанія сужденія, предложеннаго графомъ въ концѣ „Послѣсловія“, посыпались возраженія. Новое ученіе, несогласное въ принципѣ своемъ ни со строемъ нашей жизни, ни съ духомъ нашей религіи, привело всѣхъ въ раздумье.

Это обстоятельство побудило насъ посвятить досугъ свой уясненію истиннаго смысла ученія, проповѣдываемаго нашимъ отечественнымъ писателемъ лично и при посредствѣ рассказчика повѣсти — Позднышева. Съ предложеннаго нами содержанія разсказа, которое мы старались изложить по возможности кратко, но не удаляясь отъ сути, и при помощи ученія христіанской религіи мы прямымъ и непосредственнымъ путемъ пришли къ выводамъ діаметрально противоположнымъ въ своихъ *существенныхъ* частяхъ тѣмъ выводамъ, которые нашли въ „Послѣсловіи“. Судить, кто правъ, конечно, предоставляемъ читателю, но смѣемъ думать, что правда на нашей сторонѣ, потому что за насъ говорятъ евангельскія истины, голосъ общечеловѣческаго чувства, совѣсть каждого.

I.

Герой „Крейцеровой сонаты“ начинает рассказ о своей горемычной жизни характеристикой своей личности въ юношескіе годы, причемъ нѣсколькими штрихами рисуетъ намъ ту среду, которая его окружала и которая, какъ говорится, его заѣла. Исторія эта обыкновенная, но неприглядная. Будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже вкусилъ отъ „древа познанія добра и зла“, уже вступилъ на дорогу разврата. Всѣ, начиная съ докторовъ и кончая братомъ (а можетъ-быть и родителями), твердили ему, что внѣбрачное физическое общеніе съ жинщиною не развратъ, а дѣло самое обыкновенное и естественное. Всюду говорилось одно и то же, и мальчика никто не удерживалъ, никто не указывалъ ему другой, настоящей дороги, не убѣждалъ, что дѣлать того, что считалось въ его обществѣ пріятнымъ и полезнымъ, не должно, что развратничать значитъ прививать привычку къ многоженству и еще важнѣе—терять чистое отношеніе къ жинщинѣ вообще. Не встрѣчая ни съ которой стороны запрещенія, мальчикъ добровольно погружается въ развратъ, уединенія его дѣлаются нечистыми, и жинщина своею наготою, своею таліей, ножкой, плечами, всѣмъ тѣломъ своимъ смущаетъ его. У него, однимъ словомъ, начались тѣ страшныя мученія, которыя обуславливаютъ у насъ онанистовъ, эпилептиковъ, вообще физически, умственно, нравственно растлѣнныхъ людей. Дома терпимости съ опасностью венерическихъ болѣзней сдѣлались для него своего рода „клубомъ“. Онъ сталъ *блудникомъ*. А физическое состояніе блудника подобно состоянію морфиниста, пьяницы, курильщика. „Какъ морфинистъ, пьяница, курильщикъ—уже не нормальный человѣкъ, такъ и человѣкъ, познавшій нѣ-

сколько женщинъ для своего удовольствія—уже не нормальный, а испорченный навсегда человѣкъ-блудникъ“.

Такъ шли годы. Изъ мальчика выработался юноша и, наконецъ, мужчина, имѣющій на совѣсти соеой сотни плотскихъ грѣховъ, но безъ всякаго духовнаго содержанія и развитія, безъ опредѣленныхъ убѣжденій и идей. Тѣмъ не менѣе все это не мѣшало ему мечтать о бракѣ какъ о чемъ-то возвышенномъ, чистомъ, заманчивомъ. Онъ отправляется на поиски за чистой, невинной дѣвушкой. Трудно найти себѣ товарища по жизненному пути. Но кому трудно, а Позднышеву легко. Его требованія не велики: ему надо было красивое и здоровое *тѣло*, онъ искалъ дѣвушку, которая могла бы удовлетворять влеченію похоти.

Молодые люди Позднышевскаго круга ведутъ праздную жизнь и пожираютъ много жирной пищи. Естественно разыгрывается похоть и необходимо систематическое, регулярное удовлетвореніе чувственныхъ потребностей. Если есть удовлетвореніе, то все идетъ благополучно, „спасительный клапанъ“ открытъ. Но прикройте клапанъ, и тотчасъ же получится возбужденіе, которое, проходя черезъ призму искусственной жизни интеллигенціи, выразится влюбленіемъ самой чистой воды, иногда даже платоническимъ. И вотъ онъ прикрылъ клапанъ и влюбился. Катаясь однажды на лодкѣ съ одной дѣвицей и любясь ея таліей и плечами, обтянутыми джерси, Позднышевъ *вдругъ* рѣшилъ, что это *она*. Мотивомъ въ рѣшенію служило только то обстоятельство, что „послѣ проведеннаго въ близости съ нею дня захотѣлось еще большей близости“. Безъ сомнѣнія, рѣшеніе возникло нѣсколько странно и *нестественно*.

Предложеніе Позднышева приняли. Находясь уже въ качествѣ жениха, Позднышевъ надумалъ показать своей невѣстѣ „дневникъ“, изъ котораго она могла бы узнать, между прочимъ, про его послѣднюю связь. Сдѣлать это было необходимо, потому что такъ или иначе она бы узнала про эту связь. Бѣдная дѣвушка, отъ которой, какъ и отъ всѣхъ ихъ, тщательно скрывали темныя стороны жизни молодыхъ людей—«о посѣщеніи домовъ, о горничныхъ, бухаркахъ, чужихъ женахъ»,—ужаснулась, растерялась, пришла въ отчаяніе и чуть не бросила Позднышева. Въ этомъ мы усматриваемъ то, что герой нашелъ себѣ невѣсту

дѣйствительно чистую, невинную, хорошую,—слѣдовательно, далеко не „по себѣ“.

Время „жениховства“ тянулось очень скучно. Ни любви *настоящей*, ни уваженія, никакихъ интересовъ, ничего общаго... Какіе же тутъ разговоры? Да, впрочемъ, и зачѣмъ Позднышеву разговоры? Ему *ничего такого* не надо: вѣдь онъ искалъ въ своей невѣстѣ только *тѣло*, ему нужны тѣ удовольствія большей близости, жажда которыхъ побудила его сдѣлать предложеніе. Но, къ его досадѣ, то, чего ему надо было, обставлено было всякаго рода формальностями и приготовленіями. За этими приготовленіями и свадьба была отложена. И вотъ ему стало скучно. Скука эта похожа на ту, которая охватываетъ насъ, когда мы собираемся куда-нибудь на вечеръ или на балъ, гдѣ насъ ждутъ удовольствія и всякія радости жизни. Ъхать еще рано, а мы уже готовы. И вотъ скучно намъ и дѣлать ничего не хочется. Въ эти долгіе, скучные дни и вечера онъ думалъ только о томъ, что онъ—совершенство: „вѣдь нѣтъ того негодяя, который, по-искавъ, не нашелъ бы негодяевъ въ какомъ-нибудь отношеніи хуже себя и который, поэтому, не могъ бы найти повода гордиться и быть довольнымъ собою“,—думалъ о томъ, что онъ—нравственный человѣкъ, во первыхъ, потому, что давалъ себѣ общаніе—а остальные не давали—жить съ одной женой, не измѣнять ей; во вторыхъ, потому, что женился не съ расчетомъ, не на деньгахъ, не изъ-за связей, а *по любви*. Думалъ, значить, еще и о томъ, что ее любить и что она также—совершенство. Въ послѣднемъ онъ не ошибся, потому что невѣста его въ сравненіи съ нимъ была дѣйствительно совершенствомъ. О томъ же, что *надо* будетъ дѣлать кромѣ удовлетворенія чувственности и что они *будутъ* дѣлать, онъ не размышлялъ и, вообще, ничего такого въ кругъ его думъ не входило. Онъ видѣлъ, что въ его обществѣ молодые люди въ 30 лѣтъ женятся, что это принято, и зналъ, что надо дѣлать такъ, какъ всѣ дѣлаютъ.

Но вотъ насталъ и медовой мѣсяцъ. Само собою разумѣется, тѣ ложныя начала, которыя воспитались въ этомъ *прекрасномъ* молодомъ человѣкѣ предыдущую холостую жизнь, должны были заявить себя и въ брачной жизни. Не задаваясь никогда вопросами о сущности жизни, не анализируя ея, а только обезьянствуя

форму жизни съ окружающихъ людей, только, подобно комильфотнымъ друзьямъ своимъ, безпрекословно вѣря въ то, что жизнь намъ дана для жизни, что все въ жизни сводится къ удовольствіямъ, Позднышевъ составилъ незамысловатый, простенькій планъ для своей жизни: жить *легко, приятно*, позволяя себѣ незначительныя, но, такъ сказать, постоянныя удовольствія,—и *примично*, добавимъ любимымъ словечкомъ покойнаго Ивана Ильича. Женитьба при такомъ міросозерцаніи должна была освятить тотъ кругъ пріятностей и удовольствій, который въ холостой жизни не то, чтобы считался неприличнымъ, а просто вѣсколько опаснымъ для здоровья и ограниченнымъ. Съ женитьбой жизнь подъ его узкимъ, дальше носа не распространяющимся угломъ зрѣнія, рисовалась ему безконечнымъ рядомъ удовольствій: женитьба открывала ему „спасительный елапанъ“ на неограниченное время.

Но, къ великому удивленію Позднышева, брачная жизнь представила ему вмѣстѣ съ удовольствіями еще много непріятностей и трудностей, встрѣтить которыя онъ уже никакъ не ожидалъ. Сначала пошли пока еще непріятности. Этими непріятностями были ссоры, которыя возникли между супругами съ первыхъ же дней ихъ брачной жизни и которыя слѣдовали тотчасъ же за прекращеніемъ половыхъ сношеній. Кромѣ физической жизни и физическихъ общеній предполагается еще жизнь духовная, духовныя общенія, бесѣды, заботы о развитіи и доставленіи другъ другу вообще болѣе высшихъ пріятностей. Но на доставленіе подругѣ жизни своей духовной пищи у Позднышева средствъ не достало: они истощились, вѣроятно, тогда, когда исчезло увлеченіе. Остались только вспышки животной чувственности... А *любовь такая*, подобно музыкѣ, доставляетъ человѣку удовольствіе, улаживаетъ его только тогда, когда есть удовлетвореніе. Проиграна арія, работа воображенія прекращается, разсудокъ вступаетъ въ свои права. Съ прекращеніемъ физическихъ общеній требуетъ себѣ пищи душа. Необходимо увлечься какимъ-нибудь трудомъ, работой. Но у Позднышевыхъ, за прекращеніемъ чувственности, удовлетворенія проснувшемуся духу не давалось, такъ какъ никакой работы не существовало—ни физической, ни умственной, и ничто уже ихъ не связывало. И вотъ за прекращеніемъ чувственности наступало время безцѣльности, неудовлетворенности,

пустоты. Но похоть скоро опять разыгрывалась, животные инстинкты пробуждались, являлась цѣль, требовалось удовлетвореніе; и скоро цѣль снова достигалась и требованіе удовлетворялось. Оно несомнѣнно, пожалуй, что и всюду брачная жизнь періодизируется, т.-е. за любовными влеченіями слѣдует временное прекращеніе ихъ. Но есть тутъ разница: въ разумныхъ, истинно-христіанскихъ бракахъ періодъ возрожденія духа болѣе продолжителенъ и всегда имѣетъ удовлетвореніе, а во всѣхъ Позднышевскихъ, т.-е. мнимо-христіанскихъ, бракахъ большую продолжительность имѣетъ періодъ „влюбленности“; когда же похоть истощается и настаетъ другая жизнь, удовлетворенія дать у нихъ, Позднышевыхъ, нѣтъ ни возможности, ни силъ. Потому и является озлобленіе. Все это весьма просто; но если дѣйствительно все это существуетъ въ супружествахъ друзей Позднышева, то это „ужасно, ужасно, ужасно“. За первую ссорою послѣдовала вторая, за второю—третья и т. д. Брачная жизнь оказалась не счастьемъ, а мученіемъ. Не будучи въ состояніи объяснить себѣ причины всѣхъ этихъ ссоръ и неурядицъ, Позднышевъ, подобно другимъ, скрывалъ ихъ отъ окружающихъ и объяснял просто несогласіемъ въ убѣжденіяхъ, различіемъ во вкусахъ, вообще тѣмъ, что принято называть—„не сошлись характеромъ“. Досаднѣе всего было то, что ссоры эти возникали изъ-за пустяковъ, изъ за самыхъ ничтожныхъ причинъ, такъ что скоро „ужь не разногласіе производило враждебность, но враждебность производила разногласіе“, и „разсудокъ не успѣвалъ *поддѣлать* подъ постоянно существующую враждебность другъ къ другу достаточныхъ поводовъ“. Причемъ же тутъ несогласіе въ убѣжденіяхъ?...

Произошла роковая ошибка. Бракъ, оказалось, вовсе *не то*, чѣмъ онъ рисовалъ себѣ его, будучи холостымъ. Предаваясь чувственности внѣ брака, вступая въ незаконныя любовныя связи съ неисчислимымъ числомъ женщинъ, герой никогда не встрѣчался съ такою враждебностью, а видѣлъ только, что *это* пріятно и, главное, естественно. Въ женитбѣ это же самое оказалось непріятнымъ и, главное, неестественнымъ. Брачная жизнь скоро стала для него чѣмъ-то тяжелымъ, труднымъ, чѣмъ-то подавляющимъ челоуѣка, связывающимъ его по рукамъ и ногамъ, чѣмъ-то... словомъ, тѣмъ, надъ чѣмъ надо бы глубоко задуматься. Но

жизнь представляла и безъ того много задачъ, общественныхъ и служебныхъ обязанностей. Позднышевъ служилъ, принималъ гостей, давалъ вечера, самъ выѣзжалъ съ женой, и подумать о жизни было некогда. Дѣятельность свою герой сосредоточилъ на приличіи и внѣшнемъ благообразіи жизни.

На физическую жизнь жены своей Позднышевъ не обращалъ вниманія рѣшительно никакого и свои постыдныя занятія (а это были дѣйствительно постыдныя занятія) продолжалъ даже и тогда, когда жена носила плодъ и кормила дѣтей. Ихъ было пять. Въ отношеніи дѣтей Позднышевъ также впалъ въ ошибку. Онъ полагалъ, что дѣти только радость, а они оказались тягостью и утѣшенія отъ нихъ не было. Дѣти мученье и больше ничего. „Спросите у большинства матерей нашего круга, достаточныхъ людей, онѣ вамъ скажутъ, что отъ страха того, что дѣти ихъ могутъ болѣть и умирать, онѣ не хотятъ имѣть дѣтей, не хотятъ кормить, если ужъ родили, для того, чтобы не привязаться и не страдать. Онѣ это прямо, смѣло говорятъ, воображая, что эти чувства происходятъ въ нихъ отъ любви къ дѣтямъ, чувства хорошаго и похвальнаго, которымъ онѣ гордятся. Онѣ жертвуютъ не собою для любимаго существа, а имѣющимъ быть любимымъ существомъ для себя. Ясно, что это не любовь, а эгоизмъ. Но и осудить ихъ, матерей достаточныхъ семей, за этотъ эгоизмъ не поднимается рука, когда вспомнишь все то, что онѣ переменяются отъ здоровья дѣтей, благодаря опять тѣмъ же докторамъ, въ нашей господской жизни“.

Какъ вспомнить только Позднышевъ жизнь и состояніе жены въ первое время, когда было трое, четверо дѣтей, и она вся была поглощена ими,—ужасъ беретъ его. Жизни у нихъ не было совсѣмъ, а была какая-то вѣчная опасность, какъ на гибнущемъ кораблѣ. Ужъ не говоря о болѣзняхъ, какъ лѣчить,—о томъ, какъ воспитывать, растить, она со всѣхъ сторонъ слышала и читала безконечно разнообразныя и постоянно-смѣняющіяся правила. Точно со вчерашняго дня начала рожать дѣтей. Кормить такъ, тѣмъ,—нѣтъ, не такъ, не тѣмъ, а вотъ этакъ; одѣвать, поить, купать, класть спать, гулять, воздухъ,—на все это Позднышевы, жена преимущественно, узнавали всякую недѣлю новыя правила. Это пока здоровье—и то мученье. Но ужъ если заболѣлъ ребе-

нокъ, тогда, конечно, совершенный адъ. Тотчасъ поднимаются крики, на сцену являются клистиры, температура, микстуры, доктора... „И надо попасть на этого, самого лучшаго, того, который спасаетъ, и тогда ребенокъ спасенъ; а не захватишь этого доктора или живешь не въ томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ этотъ докторъ,—и ребенокъ погибъ“.

Заботы о дѣтяхъ, или, собственно, не о дѣтяхъ, а о здоровьи дѣтей (тутъ есть нѣкоторое различіе въ понятіяхъ) занимали у жены Позднышева все время. Поводовъ къ ревности не было. Но Позднышевъ ревнивъ страшно. Ему казалось иногда, что это (ея заботы о дѣтяхъ) нарочно дѣлалось, что она прикидывалась безпокоящеюся о дѣтяхъ для того, чтобы побѣдить его. Такимъ образомъ, дѣти не были утѣхою еще потому, что служили новымъ поводомъ къ раздору, и не только поводомъ, а даже и орудіемъ. Супруги дрались другъ съ другомъ какъ будто дѣтьми, любимцами. Конечно, послѣдніе должны были страшно страдать отъ этого, но Позднышевымъ въ ихъ постоянной войнѣ было не до нихъ

Долго ли, нѣтъ ли продолжалась такая жизнь—неизвѣстно. Вѣроятно долго, потому что ссоры стали утихать, а душевныя раны искусно излѣчивать можетъ только время. Пошло на мировую... Но вотъ послѣ пятаго ребенка жена героя захворала, и это-то обстоятельство и было виною всего того, что случилось. Явились доктора, запретили ей рожать и научили средству къ уничтоженію плода. Какъ ни отвратительно показалось Позднышеву подобное избавленіе отъ обязанности матери, онъ смолчалъ и на проклятое средство докторовъ посмотрѣлъ сквозь пальцы. Вѣроятно, впрочемъ, въ то время это не такъ было для него отвратительно, потому что онъ съ еще большею свободою принялся за свои прежнія супружескія обязанности. Станный человекъ: для жены избавиться отъ обязанности матери было отвратительно, а для себя погрузиться въ тотъ страшный развратъ, который называется проституціей, не отвратительно, за себя угрызения совѣсти не являлось. Два года жили въ такомъ развратѣ Позднышевы. Средство докторовъ скоро произвело свое дѣйствіе: „она физически раздобрѣла и похорошѣла, какъ послѣдняя красота лѣта. Она чувствовала это и занималась собой. Въ ней

сдѣлалась какая-то вызывающая красота, беспокоящая людей. Она была во всей силѣ 30-лѣтней не рожающей, раскормленной и раздраженной женщины. Видъ ея наводилъ беспокойство. Когда она проходила между мужчинами, она притягивала къ себѣ ихъ взгляды“. Ревнивому супругу стало страшно. Онъ увидѣлъ далѣе, что въ женѣ его проснулась потребность любви, но любви новой, чистой: „любовь съ огаженнымъ и ревностью и всякою злостью мужемъ была уже не то“. Заботы о дѣтяхъ были уже брошены, потому что за проснувшейся потребностью любви явились заботы о вѣншности своего тѣла, о нарядахъ. Позднышевъ замѣтилъ, что она начала оглядываться, на комъ остановиться, кого полюбить. Вмѣстѣ съ ревностью Позднышевъ начинаетъ испытывать припадки дикой ненависти. Во всѣхъ ея движеніяхъ, поступкахъ онъ видитъ пороки, недостатки, желаніе первенствовать, желаніе показать свое отвращеніе къ нему. Ссоры вспыхиваютъ безпрестанно. И вотъ, когда ссоры между супругами стали принимать зловѣщія формы и повторяться чаще и чаще, когда уже было рѣшено, что жить вмѣстѣ они не могутъ, и готовился уже какой-то страшный выходъ,—въ это-то время и явился тотъ ожидаемый человѣкъ, который по мнѣнію ревниваго мужа и долженъ былъ быть непременно имъ. Это былъ Трухачевскій, пріѣзжій музыкантъ и фатъ, музыкантъ не профессиональный, а полупрофессиональный, полуообщественный, *дилетантъ*. Такіе люди любятъ музыку, но не потому, почему любятъ ее всѣ поэтическія натуры, а, главнымъ образомъ, только за то, что, благодаря звукамъ, которые они извлекаютъ изъ инструментовъ, они замѣтны въ обществѣ, на нихъ тамъ обращаютъ вниманіе, они нравятся. Одни изъ такихъ личностей дѣйствуютъ фізіономіей или изяществомъ манеръ, комилѣфотностью, которая такъ нравится напимъ женщинамъ, а другіе—талантами. „Дрянной онъ былъ человѣкъ,—вспоминаетъ разказчикъ,—на мои глаза, на мою оцѣнку. И не потому, какое онъ значеніе получилъ въ моей жизни, а потому, что онъ дѣйствительно былъ такой. Впрочемъ, то, что онъ былъ плохъ, служило только доказательствомъ того, какъ невѣняема была она. Не онъ, такъ другой, это должно было быть“... Разсуждать равнодушно Позднышевъ не могъ, потому что мысль о томъ, что жена его не то, что онъ самъ, что она